

Глава 5

Называйте, как хотите, ТОЛЬКО ...

*Неоднозначность печных терминов - Образцы, кафли и изразцы
— Печи польские, киевские, гамбургские и шведские - Загадочная
ценина - Русские печи и печи-голландки - Архаизмы и варваризмы в
печном языке*

Слово в печном контексте

Однозначность - основное требование, предъявляемое к соотношению «слово и его значение». Разные по значению, но близкие по форме слова (омонимы) и однозначные слова (синонимы) должны выразить как можно меньше значений.

Ойген Вюстер

Слова Вюстера¹, послужившие эпиграфом к этой главе, отражают естественное стремление приблизиться к тому идеалу, когда в языке одному слову будет соответствовать только одно значение, что позволило бы с наибольшей точностью и без потерь осуществлять передачу информации с одного языка на другой. В то же время у знаменитого лингвиста есть и другое высказывание, на первый взгляд, противоречащее первому: «В общем, абсолютная однозначность ... совсем необязательна. Достаточно и относительной однозначности, если определение однозначно вытекает из контекста»².

Многие печные термины, к сожалению, относительной однозначностью грешат, при этом их определение далеко не всегда вытекает из контекста. Однако на это обстоятельство мало кто обращает внимание, и произвольное употребление многих печных терминов, без учёта контекста, весьма распространённое явление. Неосторожность в выборе слова часто приводит к искажённому представлению не только о печах и печной керамике прошлого, но и о том, что они есть сегодня.

Такой путаницы, что царит в печной терминологии, наверное, не встретить больше ни в одной другой (хотя в компьютерной её, пожалуй, больше), и она присуща всем языкам. Беспорядка хватает даже в немецком, самом старом и устоявшемся печном языке мира. В нём тоже часто встречаются термины, далёкие от однозначности и заслуживающие уточнения. Не избежал этой проблемы и русский язык. Отчасти это связано с тем, что кафельная печь появляется в России довольно поздно и, как бы навёрстывая упущенное, развивается ускоренными темпами. Появившись в XVII веке, она за пятьдесят лет проходит тот путь, какой в альпийской Европе преодолевала несколько столетий. Язык за таким темпом не успевал. Новые технологии, новые материалы, новые формы требовали новых названий. Их придумывали или, что было проще, заимствовали из языка тех, кто эти технологии и материалы привозил. Впрочем, на начальном этапе становления печного искусства существенного проникновения иноязычных печных терминов в русский язык не наблюдается. Поскольку в первой половине XVII века производство кафельных печей формировалось, хотя и «по образцу немецкому», но в основном своими силами, гончарам больше приходилось самим заниматься словотворчеством. Заимствованиями из других языков они начинают пользоваться позже - с приходом в ремесло белорусов. Профессиональный жаргон последних смешивался с уже сложившимся русским, где-то вытесняя существующие термины, где-то, наоборот, их принимая вместо своих. Затем, уже в XVIII веке, когда в Россию хлынули печи «на шведский манер», «голландские», «гамбургские» и прочие иноземные, печной язык меняется больше. С новыми понятиями приходят новые слова. Ими заменяются уже существующие старые. Было ли это обусловлено веяниями моды или происходило по воле случая, но в прошлое ушли многие старые названия, уступив место вновь придуманным или позаимствованным. Затем XIX век. С одной стороны, очередной наплыв новых иностранных слов, пришедших с новыми печами. С другой, увлечение стариной, словами из прошлого, значение которых уже забылось или к этому времени изменилось. В результате всех этих перипетий возник современный печной язык, смещением слов напоми-

нающий легенду о вавилонском столпотворении.

Как узнать, каким образом те или иные печные термины вошли в употребление или из него вышли и, главное, что под ними точно разумели современники? Даже самые распространённые и всем понятные слова меняют своё значение в процессе развития языка и довольно быстро. Как тут не вспомнить ставший хрестоматийным пример со словами «красота» и «красивый» Льва Толстого. В статье «Что такое искусство?» он пишет, что они в русском языке применимы только в отношении того, что можно видеть, что словосочетания «красивая музыка» или «красивый поступок» звучат совсем не по-русски, и русский человек из народа, не знающий иностранных языков, их не поймёт¹. Можем мы себе сейчас представить, чтобы русский в прошлом (и не таком далёком) мог не понять, что такое «красивая музыка»? Ведь речь идёт о самых простых, казалось, словах.

Сохранившиеся в архивных документах сведения о старинных печах и, редко, их описания сделаны людьми, ни в печах, ни в тонкостях русской ономастики² не разбиравшимися. В основном это служащие различных казённых палат. Они всё называли так, как им казалось сподручнее. Однако выводы об этих печах мы делаем теперь, в том числе, на основании их словотворчества. А на сколько оно было корректным, и наши выводы верны? Но других письменных источников нет. Первая профессио-

¹ Ойген Вюстер (Eugen Wüster, 1898-1977) — австрийский интерлингвист, основоположник терминологической теории.

² Wuester E.

¹ Толстой Л

² Ономастика (также: ономастика, ономатология, ономасиология) — раздел лингвистики, изучает собственные имена.

нальная работа на русскую печную тему появляется только в 1789-м году, да и то, на немецком языке. Это «Примечания о причинах холода» Шрётера. Их перевели на русский язык примерно через год после выхода книги в свет в Германии. За ними вскоре последовала «Русская пиростатика» архитектора Львова, ставшая вторым профессиональным сочинением, посвящённым русской фурнологии - уже на русском языке. Стиль обоих авторов далёк от научного, и уж совсем, чему нельзя не порадоваться, от современного научного (или псевдонаучного) стиля речи. Они пользовались обычным разговорным языком, и их описания печей и каминов в целом понятны, хотя в них тоже встречаются слова, разгадать значение которых дело не из лёгких. Относительный порядок в русской фурнологической терминологии века навёл фон Канкрин. В его трактатах о русских печах¹ описаны основные их типы и даны определения многим терминам. Но эти работы вышли на немецком языке, никогда на русский не переводились, известностью пользовались только в узком кругу специалистов, а потому большого влияния на печной язык в России не оказали.

В XIX-XX веках в России, уже на русском языке, выходит обширная литература о печах и печной керамике, как специальная, так и та, что сейчас принято называть научно-популярной. В это же время бурно развивается русская лексикография. Появляются словари, справочники и энциклопедии, включающие статьи, посвящённые печам. Однако ни профессионалам-фурнологам, ни популяризаторам, ни энциклопедистам и лексикографам упорядочить печную терминологию тоже не удаётся. В разных работах одни и те же термины трактуются по-разному, и если бы не рисунки, чертежи и различные иллюстрации, догадаться, о чём идёт речь, было бы невозможно. Редкие авторы относились к слову с осторожностью и включали в свои работы пояснения к употребляемым ими специальным словам. С их выбором слов и их толкованием не всегда можно согласиться, но, по крайней мере, всегда можно понять, что они хотели этими словами сказать.

Русский печной тезаурус формировался и шлифовался в течение четырёхсот лет, но всё ещё содержит много спорных и определяемых только контекстом терминов. В основном это те, что вошли в него в XVII и XVIII веках и успели исчезнуть не только из словаря общеупотребительных слов, но и из специальных. То ли для красного словца, то ли для того, чтобы придать описанию определённый колорит, многие авторы, особенно последних двух десятилетий, такими терминами широко пользуются, не утруждая себя проверкой их значения, способствуя тем самым созданию неверных представлений о русских печах и печной керамике прошлого. На некоторые из этих спорных слов мы бы хотели обратить внимание.

Изразцовые изразцы и кафельные кафли

Хоть горшком назови, только в печь не станови.

Русская пословица

Печную декоративную керамику в России как только не называли и не называют: *образцы* (или *образцы*), *образцовые кафли* (или *образцовые*, *образчатые*, *образчатые* и *обрацатые*), *изразцы* (или *израсцы*), *кафли* (или *кафели*, *кахели* и *кахли*), *кафельные изразцы*, *изразцовые кафели* или уже совсем простому - *плитки*. И мы не преувеличиваем. Все эти слова можно встретить в литературе, как художественной, так и специальной, когда речь идёт о кафельных печах. Однако, если прислушаться к советам Вюстера и обратиться к контексту, то становится ясно, что не все и не всегда употребляют их как

¹ Cancrin F.

полные синонимы, явно усматривая в них какие-то различия.

Термины «образец», «образцовый» или «образчатый» (они писались и через «с» и через «щ»), вероятно, самые старые из тех, что мы перечислили выше. Их уже мало кто из современников соотносит с печами. В первой половине XVII века, когда шёл процесс становления кафельного производства в стране, образцами чаще называли рельефы (выпуклые рисунки). Употребление этих слов в связи с печной керамикой связано тем, в то время кафли декорировались главным образом рельефами. «Образцы» встречаются в разных письменных документах на протяжении всего XVII века и дальше — почти до XIX. Однако к этому времени это слово начинает выходить из употребления. Во всяком случае «Словарь Академии Российской» в издании 1809-14-го годов его в значении «кафель» или «изразец» в свой корпус уже не включает. В словаре В. Даля, вышедшем спустя полвека, «образец» представлен как устаревшее слово в значении «изразец, кахля».

Почти в одно время с «образцами» появляются и «кафли». Логично предположить, что этот термин пришёл вместе с предметом, который он обозначал. Мы не можем сказать, когда это произошло. Есть вероятность, что с появлением Немецкой слободы в Москве. Жившие там иностранцы знали, что такое кафельные печи и, скорее, для их обозначения пользовались своей привычной терминологией. Слово могло войти в русский и задолго до этого. Ведь в западных русских землях кафельные печи появляются раньше, чем в Московском государстве.

Если бы «образцы» и «кафли» сосуществовали как полные синонимы, вопрос об употреблении этих слов можно было бы закрыть. Однако полного совпадения значений не было. В деловой переписке начала XVII века, в описаниях печных наборов, встречается фраза: *«образцы или образцовые кафли»*. Обратимся к контексту. Писавший ставит знак равенства между этими двумя терминами и говорит нам: можно сказать «образцы», а можно «образцовые кафли». Но тогда возникает вопрос: а что тогда он понимал под словом «кафли», если они не образцовые? Напрашивается ответ: слово «кафли» имело более широкое значение - печная керамика вообще, а «образцовые кафли» - кафли с рельефным декором или ещё уже - с рельефным изобразительным декором. «Образцовые кафли» встречаем мы и позднее. В 1668-м году в расходных книгах Казённого приказа есть запись о том, что за таковые мастер Игнат Максимов награждался тканью (то есть казна рассчиталась с ним натурой). Деловой стиль речи XVII века не отличался изяществом слога, но в точности ему не откажешь. Пишущие старались передавать информацию так, чтобы их понимали однозначно. Фотографию к посланию не приложишь. Рисунок тоже - рисовать не каждому дано. Выбор слова имел гораздо большее значение, чем теперь. Человек, писавший об образцовых кафлях, видимо, имел в виду только кафли с рельефными картинками. Но мог иметь в виду и другое.

Уже в конце XVII века в употребление входит ещё одно слово, обозначающее печную керамику, - «изразец». По причине схожести с «образцом» оно начинает конкурировать с последним и постепенно его вытесняет, хотя слово «образец» в значении «кафель» или даже «облицовочная плитка» встречается вплоть до середины XIX в., но только эпизодически. В это время «изразец» и «кафель» преобладают, притом употребляются в качестве синонимов. Почти синонимов. Как ни странно, но слово «изразец» даже в XIX веке многие не воспринимали как исконно русское слово, предпочитая ему немецкого происхождения «кафель». Об этом свидетельствует один любопытный документ, опубликованный в 1851-м году — «Обращение Императорского Археологического Общества к просвещённым соотечественникам». В нём содержится призыв сообщать Обществу о различных русских древних памятниках, сопровождая их подробными описаниями. Архитектурная керамика упоминается в этом документе в связи с разными объектами: наружными украшениям стен, окнами и печами, и во всех случаях её называют «кафлями» или «кахелями». А слово «изразец», вернее, прилагательное «израсцовый»

употреблено только один раз в скобках как пояснение к словосочетанию «кафельная печь». В скобки в этом документе ставились слова, которые члены Общества рекомендовали не употреблять, поскольку: «Внесение этих слов в описания показывает или незнание Русских древностей, или незнание своего родного языка. Мы должны называть наши древности теми словами, которые были известны нашим отцам»¹. Вот так. Русские археологи середины XIX века употребление слова «изразцовый» почитали за незнание родного языка.

Вернёмся, однако, к Обращению и процитируем ту его часть, что посвящена печам: «*Есть ли в церк-вах печи старого устройства или в виде квадратного шкафа, или в виде столба, основанные на обру-бах (ножках- авт.)? Кирпичные или кафельные с прилёпами (карнизами — авт.) и впадинами (нишами — авт.), со столбиками и полуваликами? Кафли цветные наведены одною поливою (глазурью — авт.), или с изображениями личин обронной работы (с рельефными изображениями — авт.) или с надпися-ми, или с одними буквами в виде вензелей? Какая мера их в ширину и в высоту и во сколько рядов скла-дены? Нет ли в архиве записей, или не известны ли предания о времени постройки старых кафельных печей?*»². Из этого фрагмента можно заключить, что просвещённым соотечественникам в середине XIX века не просто ясно было, о каких печах идёт речь, но и что они вполне понимали такие слова, как: прилёпы, обрубы, впадины, личины обронной работы. Попробовали бы они сейчас даже самым про-свещённым рассказать про прилёпы, обрубы и обронную работу!

Об обращении археологического общества мы рассказали в шутку. А если всерьёз, то анализ справоч-ной и специальной литературы конца XVIII и XIX века, говорит о том, что «изразцы» и «кафли» в боль-шинстве случаев действительно считались полными синонимами. В своей «Пиростатике»³ архитектор Львов употребляет словосочетание «кафельные печи» наряду со словосочетанием «израчатые печи». «Кафли» и «кафельные печи» вместе с «изразцами» и «изразцовыми печами» встречаем у Сахарова, За-белина, Султанова, Солнцева, Даля, Грабаря и т.д. Сахаров, он первым начал писать в России о художе-ственной керамике, предпочитал употреблять термин «кафли», хотя иногда в скобках пояснял: «каф-ли» («кахели» или «изразцы»). При этом он пользовался также термином «образцы», но только в от-ношении простой облицовочной плитки⁴. Забелин в своих работах устаревшие с его точки зрения тер-мины поясняет новыми и пишет при этом: «изразцы или кафли», «мурова или глазурь», то есть счита-ет слова «кафли» и «глазурь» более современными⁵. Султанов, который употреблял оба слова и в зна-чении «печная керамика», и в значении «фасадная керамика», пишет о Гербовых воротах⁶ в Москве, цитируя Снегирёва⁷, что они имели гербы в клеймах «из разноцветных кахлей»⁸. Примеров, подобных этим, можно приводить много.

Словарь церковнославянского и русского языка 1847-го года определяет кафель как «*кирпич, покры-тый по внешней его стороне глазурью: изразец, который употребляется... обыкновенно для наружной обкладки голландских печей и каминов*». Автор, как мы видим, оба слова считает синонимами, но ка-фелью оставляет более узкое применение — только для голландских печей. В словаре Гаранта (вышел в конце XIX века) кафли и изразцы также даются как полные синонимы, но с пометой для кафель:

¹ Записки ИАО.

² Там же.

³ Полное название работы «Русская пиростатика». Книга вышла в двух частях в 1795-99 гг., является одной из хрестоматийных работ в русской фурноло-гической литературе.

⁴ Сахаров И. (1)

⁵ Забелин И. (1)

⁶ Гербовые ворота (или Гербовая башня) - башня на территории Московского Кремля; была разрушена в 1807 г. На месте башни в XIX в. построен Боль-шой Кремлёвский дворец.

⁷ Снегирёв Иван Михайлович (1793 — 1868) — историк, этнограф, искусствовед-фольклорист, археолог, первый исследователь русского лубка, составил подробные описания московских церквей и монастырей.

⁸ Султанов Н. (1)

«*употребляется обыкновенно для обкладки голландских печей*». Она довольно странная, поскольку в те времена только голландки и обкладывались печной керамикой. Возможно, у лексикографа было своё видение голландской печи. Но узнать, какое, не представляется возможным, поскольку голландскую печь он в словарь не включил и толкование термину не дал.

В периодической печати XIX века слова «кафель» и «изразец» употребляются тоже произвольно. В со-общениях о посещении в 1856-м году Александром II палат бояр Романовых в Зарядье читаем, что им-ператор «*изволят осматривать печи и узорчатые кахели*». При этом другие современники императо-ра эти же узорчатые кахели называли изразцами.

В бытовой среде в наши дни слово «кафель» у многих ассоциируется с облицовочной плиткой. А вот слово «изразец» в отношении облицовок санузлов и ванных сейчас никто себе представить не может. Но в XIX и начале XX века для обозначения этих облицовок чаще употребляли слово «изразцы». В журнале Зодчий за период с 1875-го по 1907-й год мы встречаем про «*обделку стен изразцами в конюш-нях*» (изразцы в конюшнях! - подумать только), «*стенные и ванные изразцы*», «*изразцовую напольную плитку*», «*облицовку стен и потолков в больницах изразцами*». В этом же журнале в описании одного дома говорится, что там отопительные печи облицовываются «*берлинскими кафлями*», а кухонные оча-ги — «*изразцами из Варшавы*». Может вообразить наш современник санузел, обделанный изразцами? Ведь подумает, что о дворцах речь шла. А тогда такие стояли в обычных московских или петербург-ских квартирах. Вот вам абсолютная и относительная однозначность термина и контекст по Вюстеру.

В «Зодчем» упоминавшийся нами уже Николай Роот пишет о «*печных кафелях*» керамических заво-дов Абрамцева, Мамонтова, Харламова и Ваулина в Кикерине. А ведь это про керамику, которую сей-час многие называют только изразцами.

С «изразцами» и «кафлями», проведя небольшое лингвистическое исследование, разобраться неслож-но, а вот «кафельные изразцы», наверное, не могут не озадачить. В акте описи зданий Ростовского кремля, датированной концом XIX века, встречается запись о том, что во всех почти палатах митрополи-та печи были устроены из «*кафельных изразцов*». Масло масленое? Тавтология? Или автор знал, что в фурнологии есть такой термин - «кафельные изразцы»? И что есть ещё «изразцовые кафли»? Скорее, у него это тавтология. Печь может быть из изразцовых кафель, но построить её из кафельных израз-цов почти невозможно¹.

В советское время слово «кафель» у специалистов, пишущих о печной керамике, из употребления не уходит, но оно уже редкость. Обычно его употребляют в значении печной керамики с гладкой лицевой пластиной, покрытой белой глазурью. Узорчатые кафели, которые осматривал Александр II, уже никто не вспоминает. Впрочем, у Векслера² встречаем: «*изразец являлся ... основным кафелем, который ...*»³.

А вот как трактуют эти два термина лексикографы. В тридцатые годы прошлого века словарь Ушакова включает «кафель» с пометой устаревшее. А вышедший полвека спустя Словарь русского языка РАН (издание 1999-го года) такой пометы не делает. Словарь иностранных слов, выпущенный в 1992-м году, даёт «кафель» как синоним «изразца» и без пометы «устаревшее», однако оба слова объясняет так: «*тонкая плитка ... служит для облицовки печей, стен, иногда полов*». То есть лишает печную керами-ку одного из её главных отличительных признаков — румпы.

¹ Изразцовые кафли — кафли, декорированные ковровым узором. Кафельные изразцы (также: накрывные, абаки, печные изразцы, листовые израз-цы) - безрумповый кафель в виде плитки толщиной не более 2 см, используется для облицовки горизонтальных плоскостей печи; может быть составной частью карниза или уступа (карниз с полочкой, уступ с полочкой).

² Векслер Александр Григорьевич (р. 1931) — археолог, автор научных трудов в области археологии, архитектуры, истории культуры и быта Москвы, пер-вый в истории главный археолог города.

³ Векслер А.

«Изразец» в прошлом веке стал теснить не только «кафель». Слово стали использовать для обозначения многих видов архитектурной керамики. Экспансия термина и его ничем не оправданное многозначное употребление стало вносить путаницу в понятия. Уже в середине тридцатых годов Филиппов сетует: «В нашей искусствоведческой и археологической литературе все эти понятия (изразцы или кафли, облицовочная плитка, облицовочный и лицевой кирпич) часто смешиваются, или термину «изразец» придаётся расширенное значение, без учёта производственных и строительных особенностей каждого из перечисленных видов керамических изделий, специальной же технологической литературы по керамическим облицовочным материалам в целом у нас не имеется»¹. Филиппов писал это в 1935-м году. Но обозначенная им проблема актуальна по сию пору.

Действительно, слово «изразец» употребляется в отношении совершенно разных по назначению, структуре и декору видов архитектурной керамики. Это слово имеет аналоги в других языках, где его значение уже не так широко, и оно в отношении печной декоративной керамики не употребляется. А если и употребляется, то узкими специалистами в значении «абака» или в значении «кафель, украшенный ковровым раппортным орнаментом». Как в этом случае переводить с иностранного? Называть «изразцом» и «изразец», и «кафель» независимо от того, в каком значении эти слова употреблены? Как поступать переводчикам литературы, посвящённой керамике, на иностранные языки и с иностранных на русский? Как перевести с русского «кафельные изразцы» и «изразцовые кафли», если отказаться от слова «кафель» и оставить только «изразец»? Как «изразцовые изразцы»? Хорошо если переводит специалист. А если нет? У итальянцев есть поговорка: «Traduttori traditori»². От предательских переводов страдают российские учёные из-за неосторожного употребления многозначных терминов. Неточные переводы делают их работы странными и мало понятными коллегам.

А как быть с «настоящими» изразцовыми, то есть облицованными обычной безрумповой плиткой печами? Можно ведь решить, что именно о таковых говорят, когда употребляют термин «изразцовые печи»?

На наш взгляд, проблема с «изразцом» и «кафелем» может решаться достаточно просто. В бытовом языке - называйте, как хотите. В конце концов, русская лексика не кодифицирована (да и не может быть кодифицирована), а потому мы в выборе слова ограничены лишь нашим языковым чутьём и правилами приличия. Что касается специальной литературы, то употреблять эти слова должно с осторожностью. «Изразец» лучше сопровождать, по мере возможности, прилагательным «печной», если мы говорим о печной керамике. Слово «кафель» для обозначения последней предпочтительнее. Во-первых, оно уже более четырёхсот лет в нашем языке и совершенно «обрусело». Его даже, как мы видели, славянофилы из Императорского археологического общества «изразцу» предпочитали. Во-вторых, термин «кафель» не так многозначен, как слово «изразец». Его теперь даже в значении «облицовочная плитка» перестают употреблять. Наблюдения показывают, что в современном русском языке для этого чаще используют просто слово «плитка», что не может не радовать. Русские керамические печи — это часть европейского печного искусства, которое в основе своей искусство кафельных печей. По крайней мере в отношении европейских печей и европейской печной керамики слова «кафель» и «кафельные печи» нам кажутся более уместными. Также уместнее называть русские печи «кафельными», если мы о них пишем или говорим как о части европейского печного искусства. Ну, а в остальном — на вкус.

Конфликт между изразцом и кафелем не исчерпывает тему печной терминологии. Здесь, по крайней мере, мы понимаем (почти понимаем), о чём говорим. Сложнее понять, что говорили о печах наши предки.

¹ Филиппов А. (2)

² Переводчики — предатели.

О печах мурамленных, белых и зелёных

1656-й год. Знаменитый и широко цитируемый ответ игумена Дионисия из Иверского монастыря патриарху Никону (так называемая «отписка Дионисия») на распоряжение последнего отправить из монастырской кафельной мастерской в Тверь пять печных наборов. Вот что пишет Дионисий: «...веле-но нам прислать к тебе... на твой государев стан во Тверь: образцов добрых, две печи образцов мурам-ленных, да три печи образцов не мурамленных: да к тем печам кирпичу столки, колки к тем пяти печам в отделке того кирпичу надоб: да с теми ж образцами и кирпичом велено прислать к тебе ... печника человека добра и знающего ... и мы ... отпустили к тебе ... две печи мурамленных с разными красками, а числом в тех печах 410 кафель, да три печи зелёных кафель, а числом в тех печах 387 кафель, да ко всем тем пяти печам послали белых простых 223 кафели, да кирпичу ко всем тем пяти печам послано 990 кирпичев».

Из этого послания мы видим, что Дионисий, цитируя приказ Никона, употребляет слово «образцы», но в своём ответе патриарху переходит на «кафли». Весьма любопытная ситуация. Патриарх велит отпустить образцов, а игумен отпускает кафли. Но это не всё. Никон велел прислать две печи мурамленные» и три немурамленные. Дионисий отпускает две мурамленные с разными красками» и три печи зелёных кафель. Эти три печи вызывают недоумение. Если приказ Никона исполнен, то эти зелёные печи - не мурамленные, то есть не глазурованные. Тогда почему они зелёные? Зелёножгущихся глин нет (во всяком случае, мы о таких не знаем). «Мурамленный», если верить исследователям архитектурной керамики и лингвистам¹, означает «глазурованный». Забелин, первым обративший внимание на неоднозначность керамических терминов², считал, что зелёными кафлями называли кафли, покрытые зелёной глазурью или полихромные с зелёным фоном. Но если это так, почему Дионисий ослушался патриарха? Тот велел отпустить неглазурованных кафель, а Дионисий отпускает глазурованные, да ещё на своё усмотрение выбирает цвет глазури — зелёный. Значит, мы имеем дело либо с неповиновением Никону (во что верится с трудом), либо с тем, что зелёные кафли были неглазурованными, и Забелин, а за ним многие другие авторы, заблуждались — под зелёными кафлями не обязательно подразумевались глазурованные. Но тогда откуда у них зелёный цвет?

Не исключено, что речь в отписке Дионисия шла о бисквитках, покрытых зелёной краской. Забелин сам пишет в «Домашнем быте русского народа», что «бывало также, что печи расписывались одной какою-либо краскою; в 1684 г. в хоробах царицы Прасковьи и царевны Софьи четыре печи расписаны краскою зелёною...». В связи с этим вопрос: когда мы встречаем в текстах упоминания о зелёных печах, всегда ли они о глазурованной керамике? В старых документах в описаниях печей одного здания можно встретить «печи зелёные» и «печи муравленные зелёные». То есть глазурованные зелёные и зелёные крашенные?

Загадки отписки Дионисия на этом не исчерпываются. Дионисий заказ Никона на «печи образцов мурамленных» понимает, как заказ на «печи мурамленные с разными красками». Значит ли это, что под образцами мурамленными в то время понимали кафли с полихромным декором? Филиппов считал, что да, но редко.

И наконец, «белые простые кафли». Никон про них ничего не пишет. Он просит с печами прислать кирпич и хорошего печника, но ни слова о белых кафлях. Что же это за белые кафли? Бисквитные (не глазурованные) из беложгущихся глин (редкость в России) или покрытые белой глазурью? Или кафли с полихромным декором, у которых земля (фон) была белого цвета? Белыми называли подобные каф-

¹ Словарь русского языка XI-XVII вв.

² Первым был, вероятно, Сахаров, но он на проблеме не акцентировал внимания.

ли в Швеции. Другой вопрос. Почему Дионисий их включает в печные наборы? При этом в печные наборы ко всем пяти печам. Если белые кафли, просто глазурованные или с цветным декором, вполне логичны для первых двух печей (хотя здесь смущает слово «простые»), то совсем не понятно, почему их включают и в печные наборы других трёх печей, что не глазурованные. Как декоративные вставки? Опять вопросы, на которые ответов пока нет.

Отписка Дионисия явно указывает на то, что в Иверской мастерской производились стандартные печные наборы. И заказчик, и исполнители понимали друг друга без каких-либо дополнительных комментариев. Никон не отправляет в мастерскую штюклист печного набора, где перечисляются все кафли, что надлежит изготовить. Он явно просит изготовить типовые печи. В этом нет почти никаких сомнений. Но что они представляли собой? В Твери они не сохранились.

С Иверской мастерской связан ещё один интересный документ. Опять отписка. На этот раз старца Селивестра за 1677-й год. Пишет старец об отпуске из мастерской «*стенных белых кахоль девяносто исподников, исподников белых же двенадцать*». Что здесь имеет в виду Селивестр под белыми кафлями? Скорее всего, то же, что и Дионисий. Они из одной мастерской и должны были говорить на одном языке. Кстати, а что такое исподник? Словарь русского языка XI-XVII веков элегантно «выкручивается», предлагая нам «деталь изразцового дела» и ставит при этом знак вопроса. То есть лексикографам не понятно, о какой детали идёт речь. Специалистам, к сожалению, тоже. Судя по отписке, исподники были двух видов — стенные кафли и просто исподники, хотя не исключено, что в отписке лишний раз употребили слово «исподники», и читать нужно: «*стенных белых кахоль девяносто, исподников белых же двенадцать*». Исподниками могли называть кафли, которые ставили вертикально за ножками на опечье. В печном ремесле кафли, стоящие в нишах за колоннами или балясинами, иногда тоже называют исподниками. Но в XVII веке печей с нишами и колоннами ещё не строили (во всяком случае, информации о таковых нет), поэтому здесь речь могла идти именно об опечье.

Мы могли бы привести и другие примеры употребления слов «мурамленный», «зелёный» и «белый» в связи со старинными печами. Если бы это могло как-то прояснить ситуацию. К сожалению, чем больше в старые тексты погружаешься, тем больше вопросов возникает.

Загадка ценинных печей

В архивных документах, датированных XVII и XVIII веками, встречаются названия: «печник ценинных печей», «образцы ценинные и зелёные», «ценинных дел мастер», «ценинная финифть» «ценинная печь» и некоторые другие словосочетания со словом «ценинный» в разных вариантах орфографии, в том числе через «ять» и через «и» в корне.

Первым о «ценине» писал Сахаров. Он понимал под таковой покрытые стеклянной глазурью изделия (и одноцветные, и многоцветные¹) и считал кафельные печи (любые глазурованные) разновидностью ценинных изделий. Происхождение самого слова и точное его значение учёный относил к загадкам, которые уже никогда не разгадать. И тем не менее многие после Сахарова пытались это сделать. Первым взял на себя труд Забелин. По его предположению, в XVII и XVIII веках этим словом обозначали фаянс или изделия из него. А поскольку фаянс часто расписывали синим кобальтом, то по ассоциации все гончарные изделия, покрытые синей глазурью, тоже называли ценинными. При этом Забелин оговаривает, что цвет кафли часто определялся по земле (то есть фону). Поэтому ценинными могли называть не только синие, но и многоцветные кафли с синим фоном. А когда речь шла о зелёных кафлях, то ими могли быть как одноцветные зелёные кафли, так и многоцветные с зелёным фоном.

¹ Сахаров. И (1)

Учёный также указывал, что существительное «ценина» в древних документах не встречается. Мы имеем дело только с прилагательным «ценинный». Например, «ценинный мастер». Забелин считал таковым того, который изготавливал керамику в синей глазури или расписанную синей краской. Происхождение слова «ценинный», как он думал, могло быть связано со словом «синась» (то есть «Китай») и изначально означать «китайский». А поскольку китайский фарфор XVII века был преимущественно расписан синим кобальтом, то слово могло употребляться и в значении «синий».

В итоге своих рассуждений Забелин сделал следующий вывод: «*под словом ценинный, в отношении глиняных изделий, должно разуметь глазурованный, муравленный, покрытый поливою (глазурью — авт.) преимущественно синего цвета*»¹.

Такова теория Забелина. А вот как трактуют это слово лексикографы. Словарь Академии Российской (1822 г.) даёт слова «ценина» и «ценинный» в значении «фаянс» и «фаянсовый». Даль (1863-66 гг.) — «*фаянс, фарфор, хорошая каменная посуда ...*», а «*ценинными изразцами*» называет «*поливанные, муравленные и расписные*». Словарь Граната (1895-1901 гг.) указывает, что «*ценинным делом ... называлось в 17-м в. производство глиняных изделий глазурованных, муравленных, изразцов самой разнообразной формы и отличавшихся искусной наводкой красок и художеств, сочетанием цветов по бирюзовому, розовому, коричневому, красному и голубому фону*». В целом, все эти определения не противоречат тому, что писал Забелин. Кроме его предположения о синем цвете.

Были и другие точки зрения. Филиппов по поводу «ценинных изразцов» пишет, что во второй половине XVII века с зелёными муравленными изразцами начинают конкурировать многоцветные эмалированные изразцы, то есть декорированные непрозрачными (глухими) эмалями. В их состав входило олово, которое тогда импортировалось из «немецких сторон». В немецком языке «олово» — Zin. С этим немецким словом связывал Филиппов происхождение слова «ценинный», то есть «оловянный», «эмалированный», «покрытый оловянными глазурями»². В свою очередь, Маслих связывал слово «ценинный» со словом «ценный»³. В наши дни многие исследователи архитектурной керамики употребляют слово «ценинный» в значении «многоцветный».

Так чья же точка зрения верна? Нам кажется, что прав был Забелин в своей первой версии. Ценинный — это фарфоровый, фаянсовый, кафельный. Ценинные печи — это кафельные печи, любые, но глазурованные. При этом не важно, какая глазурь использована — прозрачная или глухая (эмаль), синяя или другого цвета. Приведём несколько аргументов в пользу утверждения.

Почти все исследователи печной керамики соглашались с тем, что полихромные кафли начинают распространяться в России во второй половине XVII века. Если слово «ценинный» означало «полихромный», как тогда быть с расходными книгами за 1616-й и 1624-й годы, где упоминается «печник ценинных печей», который делал «ценинные печи» в хоромах царицы Марии Владимировны и в других зданиях царских дворцов?⁴ Если полихромных печей тогда не было, а ценинные были, значит, ценинные печи не были тогда полихромными. Хотя, конечно, речь могла идти не о русских печах, а об импортных. Но если так, то получается, что для кладки полихромных печей требовались печники особой квалификации. С трудом верится, что печники тогда специализировались на кладке печей определённых цветов? А вот если ценинными печами называли кафельные печи, то все встаёт на свои места, и печник ценинных печей действительно особая профессия в те времена. Кафельные печи только появляются. Печникам, работавшим с глинобитными или кирпичными, приходилось переквалифицироваться, чтобы начать класть новые - кафельные.

¹ Забелин И. (1)

² Филиппов А. (1)

³ Маслих С.

⁴ Забелин И. (1)

Ещё один пример. В документах XVII века встречаем фразу: «*Два блюдечка ценинные, одно белое, а другое пёстрое*». И белое — ценинное, и пёстрое — ценинное. Вывод - не имело тогда слово «ценинный» значения «полихромный».

В одной из своих работ Забелин приводит следующую архивную запись, датированную 1682-м годом: «...купить ... в Дворцовую Александрову Слободу на починку в Государевых хоробах и в Дворцом Приказе двадцати ценинных печей образцов ... ценинных; (и — авт.) ... зелёных»¹. Согласно этой записи, на починку ценинных печей заказывают ценинные образцы и зелёные образцы. Что это значит? Часть ценинных печей решили починить, используя не ценинные изразцы, а зелёные? Или эти 20 печей все ценинными назвали ошибочно? Если ценинный — полихромный, почему при заказе печей не уточняется декор и цвет? Или не имело значения, какие заплатки будут стоять на печах в государевых хоробах? Или опять загадочное значение слова? И ещё одна цитата из архивных документов у Забелина: «*В Золотой палате была поставлена печь ценинная из синих изразцов, и около печи устроена медная решётка*»². Никак не может речь идти здесь о полихромной печи. Эта фраза, в частности, натолкнула Забелина на мысль, что слово «ценинный» могло означать «синий». Впрочем, сохранились записи, опровергающие это предположение. В одном из архивных документов XVII века (его опять приводит Забелин) перечислены разные цвета, и среди них, наряду с синим, фигурирует «*цвет ценинный*»³. Что это мог быть за цвет? Циннвайс — белый цвет оловянной глазури? То есть верным было предположение Филиппова?

Примеры, приведённые выше, относятся к XVII веку. Посмотрим, как обстояло дело с этим словом в XVIII веке. Начало нового столетия. Пётр I пишет Куракину в Голландию (мы уже упоминали ранее эту переписку) и просит прислать в Санкт-Петербург «*самых лучших ценинных изразцов печей на семь или на восемь*». Мы уже видели, что царю нравились сине-белые печи. Вряд ли он заказывал в Голландии полихромные изразцы. Значит не могло здесь слово «ценинный» быть употреблено в таком значении.

В описи Коломенского дворца за 1742-й год большинство перечисленных в ней печей называются либо кирпичными, либо ценинными. Некоторые из ценинных значатся стоящими в подклетах. Полихромная кафельная печь в подклете даже для дворца слишком большая роскошь (там ведь и не в подклетах простые кирпичные стояли). Также в описи некоторые ценинные печи называются цветными - «*ценинная печь цветная*», то есть прочие ценинные печи цветными не были.

В документах о первой московской керамической фабрике купца Гребенщикова, которая, кстати, называлась «Ценинной и табачных трубок фабрикой», встречаем в описании продукции за 1725-й год: «*ценинные изразцы малеванные*» и «*ценинные изразцы немалеванные*». Получается, что ценинными называют любые изразцы — с росписью и без.

Столетием позже, в начале прошлого века, Роот в своих статьях «Художественная керамика в прошлом и настоящем» полихромную печную керамику называет «пёстрыми кафелями», но не «ценинными».

Современные исследователи художественной керамики иногда предлагают вернуть в язык слово «ценинный». Мы не против, мы любим старые слова сами. Но в каком значении? Только как «полихромный»? Как тогда быть с другими значениями? Забыть? А как это слово писать: через «е», или через «и», или вернуть написание через «ять»? А почему не вернуть тогда и слова: «обращатый», «покущатый», «поливанный», «мурамленный»? Они ведь тоже такие «вкусные». А чем провинились забытые «сырчатый», «кахольный», «обронный» и т.п.? Почему их тоже вернуть не предлагают. А может, прежде чем возвращать, сначала определиться со значением?

¹ Там же.

² Забелин И. (3)

³ Забелин И. (1)

Печи польские, киевские, гамбургские, шведские

В русских архивных документах XVII века встречаются такие названия: «польские печи», «польские зелёные печи», «белые польские печи». Они появляются в начале XVII века в Смутное время при Лжедмитрии I в Москве и Лжедмитрии II в Тушине. В Польше специальной печи с таким названием не было. Сами поляки, естественно, польскими называют все свои печи, хотя к ним, как и везде, они попали из немецких земель. К нам немецкая кафельная печь пришла из-за польско-литовской границы, и никто не докапывался до её родословной. С поляками пришла — значит польская. Впрочем, широкого распространения это название не получило. Оно могло быть также связано с определённой конструкцией, архитектурой или типом кафель.

О цвете этих печей. Печи в зелёной глазури были самыми распространёнными печами¹, в том числе в Польше. История печной керамики более популярной, наверное, не знает. Если печи привозили из Польши, то, скорее всего, в зелёной глазури. Что касается белых польских печей, то здесь мы можем только повторить предположения по поводу названия «белые кафли».

Ещё больше вопросов вызывают «киевские печи», которые, как и польские, упоминаются в архивных документах XVII века. О специальных киевских печах в фуэрнологической литературе тоже ничего не говорится. Киев тогда находился в составе Речи Посполитой, и печи там тоже могли быть «по образцу польскому». Но из контекста следует, что между «польскими печами» и «киевскими» знака равенства не ставили. Значит, речь шла о какой-то особенной печи. Но о какой? Видимо, киевская и польская печи так и останутся загадками в фуэрнологии.

А вот в «гамбургских печах» большой загадки нет. Мы хорошо знаем, о каких печах идёт речь, хотя причины закрепления за ними этого названия объяснить сложно. В наши дни гамбургской печью называют насадные печи, то есть печи с чугунным очагом и кафельным напечьем. Почему вдруг такие печи стали гамбургскими, до сих пор неясно. Какой-либо особой связи с этим городом проследить невозможно. Впрочем, в России не эти печи называли «гамбургскими». У нас это название связано с привозимыми из Германии в XVIII веке фаянсовыми сине-белыми печами. У этих печей есть более корректное название - немецкие печи-рококо². Как тип они сформировались в рамках северогерманской печной школы в конце XVII - начале XVIII века и представляли собой пристенную печь-шкаф на ножках с высоким очагом и напечьем-педиментом (встречался и вариант одноярусный без педимента). Стенные кафли этих печей - гладкие и малоформатные, с росписью в дельфтском вкусе синим кобальтом по белому полю. Печь пользовалась огромной популярностью как в Северной Германии, так и в других странах. Название «гамбургская печь», вероятно, закрепилось за ней только из-за того, что Гамбург являлся самым крупным из северных немецких городов, где такие печи изготавливались. Нет, однако, никаких оснований утверждать, что именно здесь такие печи стали делать впервые. Это могло произойти и в Любеке, и в Люнебурге и в других городах региона. В Россию в XVIII веке ввозилось много кафельных печей из Северной Германии. За ними всеми, сине-белыми, закрепилось название «гамбургские».

«Печи на шведский манер» - такое название встречается в начале XVIII века, когда шведские печи ещё шведскими не стали. Это произойдёт гораздо позже. О настоящих шведских печах мы сейчас рассказывать не будем. Попробуем только отгадать загадку. Что за печь получила такое название тогда, когда в самой Швеции ещё знать не знали, что такая есть? Ситуация схожая с той, что была с польскими печами. Начало XVIII века. Многие прибалтийские земли, где в это время распространены немецкие сине-белые

¹ Кроме России. У нас период зелёных печей приходится в основном на XVII век.

² Не путать с венскими и мюнхенскими печами-рококо - убершлагами.

РУССКИЕ ПЕЧИ И ПЕЧНАЯ КЕРАМИКА

фаянсовые печи, находились под владычеством шведов, поэтому со Швецией такие печи и стали ассоциироваться. Такие ассоциации мы встречаем даже в конце XIX века. У Султанова читаем о печных *«шведских изразцах — белых с синими разводам»*. Кстати, о «голландских изразцах» он пишет как о гладких белых¹. Если шведские могли быть и сине-белыми, и просто белыми, то белые голландские, без росписи, представить себе сложно. Но Султанов пользуется названием, бывшим в ходу в его время. Ещё один миф, рождённый неоднозначностью. В XVIII веке, когда говорили о шведских печах, могли также иметь в виду не декор кафель, а конструкцию печи, которая действительно встречается в то время и в Швеции. Сюда попала она, однако, из прибалтийских земель или Центральной Европы. Речь идёт о печах, что строились рядом с каминами и подключались трубой к каминному дымоходу.

Отличные от русских голландские печи

В европейских странах закрытые жаровни или камины являются основными источниками тепла. Доктор Кларк² называет их дакийскими очагами, а г-н Морво³ — русскими печами. У нас же⁴ они известны под названием «немецкие печи», которые могут также подразделяться на голландские, шведские и прочие.

Уолтер Бернан⁵

Голландская печь

Когда Конрад Штраусс рассуждал о происхождении кафельных печей в Екатерининском дворце в Царском селе, он писал, что ему вполне были понятны предположения разных учёных (он имел в виду прежде всего Лукомского и Вильчковского⁶) о том, что печи эти могли быть немецкими или русскими, но приходил в изумление от того, что некоторые русские исследователи пытались их объявлять голландскими. *«В Голландии в XVII и XVIII веках кафельных печей не производили. Там применялись камины, которые часто обкладывали знаменитыми дельфтскими фаянсовыми изразцами⁷ …. Название «голландская печь» было широко распространено в России и применялось в большинстве случаев в отношении западноевропейских печей определённой конструкции. Со времён Петра Великого из Голландии в Россию пришло много новшеств, в том числе искусство обжига кирпичей, оттого в XVIII веке и называли кирпичную печь, которая топилась с двух сторон, «голландской печью». Нужно заметить при этом, что в это время весь производимый (в России — авт.) кафель совершенно отличался от сине-белых кафель дельфтских фабрик»⁸*. Знаменитый исследователь печной керамики был не единственным, у кого название «голландская печь» вызывала удивление. Но после того, как он всё расставил по местам, иностранные исследователи успокоились, приняв его объяснение к сведению. Вместе с тем его «слегка» скорректировали, возможно, для краткости. Если у Штраусса голландка — печь определённой конструкции и кирпичная, то у писавших после него она стала вообще любой западноевропейской печью: *«Когда русские порой такие печи называют голландскими, понимать их нужно в том смысле, что речь идёт о западноевропейских печах»⁹*. В общем, сейчас в зарубежной литературе, посвящённой кафельным печам, русская голландка чаще тракту-

^[1] Султанов Н. (1)

^[2] Джордж Томас Кларк (George Thomas Clark, 1809-1898) - английский хирург, инженер и историк.

^[3] Гитон де Морво Луи Бернар (Louis Bernard Guyton de Morveau, 1737-1816) – французский химик и политический деятель.

^[4] То есть в Англии.

^[5] Один из псевдонимов Миклгма Роберта Стюарта (Robert Stuart Meikleham, 1786-1871) - английского архитектора, инженера, теплотехника, энциклопедиста.

^[6] Лукомский Георгий Крескентьевич (1884-1952) — историк, искусствовед и художник; в 1929 г. опубликовал в Париже книгу «Les Demeures des Tsars: Les Palais des Empereurs de Toutes les Russies», посвящённую царским резиденциям. Вильчковский Сергей Николаевич (1871-1934) — полицмейстер дворцовых зданий в Царском Селе, автор путеводителя «Царское Село», опубликованного в Петербурге в 1911 г.

^[7] Здесь Штраусс имеет в виду обычную облицовочную плитку. В немецком языке именно её называют «изразцами» (Fliesen). Словом «кафель» (Kachel) обычно называют печную декоративную керамику.

^[8] Strauss K. (1)

^[9] Gebhard T.

ГЛАВА 5

Голландская печь

ется либо по Штрауссу, либо по Гебхарду, чьё пояснение мы только что привели.

В России тоже нет однозначного токования понятия «голландская печь» ни в специальной фурнологической литературе, ни в русской лексикографии, ни в среде просвещённых соотечественников, не говоря уже о непросвещённых. Рассмотрим разные точки зрения и попробуем разобраться, что же из себя действительно представляет эта печь, а заодно и «русская печь» — название, которое, как мы увидим, тоже можно отнести к загадкам печной терминологии.

Если обратиться к справочной литературе, можно заметить, что до конца XIX века голландская печь авторов словарей и энциклопедий почти не занимала. Термин начинает появляться в них лишь в конце XIX века, то есть спустя почти сто лет после того, как он вошёл в язык¹. За это время историю этой печи забыли, а название обросло мифами и легендами. В художественной литературе и в народе толкования были столь противоречивыми, что лексикографы, проявляя осторожность, ограничивались краткими, не во всём совпадающими, определениями: *«комнатная кирпичная печь»* (Даль, 1880 г.), *«комнатная печь голландской системы»* (Булгаков, 1886 г.), *«комнатная кирпичная печь для нагревания и вентиляции»* (Гранат, 1901 г.) и т. п. В этих определениях общим является то, что печи эти комнатные и кирпичные. Прочие характеристики - «голландской системы» и «для нагревания и вентиляции» - ни о чём современникам (и не только современникам) не говорили, а потому просто игнорировались. С конца XIX века и до второй мировой войны в быту голландкой называли преимущественно комнатные кирпичные печи.

Начиная с середины прошлого века словари отказывают голландке в кирпиче и определяют её уже как: *«кафельную комнатную печь особого устройства»* (Ушаков, 1935 г.), *«комнатную печь, облицованную изразцами»* (Ожегов, 1949 г.-1960 г.), *«высокую комнатную печь, облицованную изразцами»* (Шведова, 1998 г.), *«комнатную (обычно кафельную) печь»* (Малый академический словарь, 1981 г.-1984 г.). Как видим, голландка становится кафельной или изразцовой печью, оставаясь, однако, комнатной.

В заключении обратимся к фурнологам — самым главным авторитетам. Как они определяли и определяют голландку? Сначала это название объяснил Шрётер, которому принадлежат первые описания печей, что строились в России в XVIII веке. В своих знаменитых «Примечаниях», опубликованных в 1789-м году, он приводит краткую историю развития печного отопления в Петербурге и, в частности, упоминает голландские печи. Вот что он по поводу этих печей пишет: *«Между тем проявились здесь голландские глазурованные кафли. Ими голландские каменщики облицовывали в домах состоятельных людей печи, которые, вместо железных, ставили таким же образом, что и описанные выше. А потому и называли эти печи голландскими. Название это до сих пор наши печники употребляют»²*. Шрётер не уточнил, какие из описанных им выше печей он имел в виду, когда писал, что их обкладывали кафелем. Выше в его книге описаны и немецкие чугунные печи (сразу выше), и кирпичные бесканальные. Логично предположить, что речь шла о кирпичных бесканальных. Кстати, переводчик тоже так решил и сам за Шрётера сделал уточнение (возможно, проконсультировался с автором предварительно). Таким образом получается, что русские печники (Шрётер подчёркивает, что название употребляли именно они) называли голландскими печами облицованные голландским кафелем (Шрётер мог не знать, что такого не бывает) бесканальные печи. Все другие описанные Шрётером печи (печи с оборотами) уже не голландские. Он их называет печами с ходами или циркуляционными (в русском издании - *«проходные печи»* или *«циркулярные»*)³.

Довольно странно, что в вышедшей спустя четыре года после «Примечаний» Шрётера «Русской пироста-

^[1] В словарный статьях «Церковнославянского и русского языка» 1847-го года термин «голландская печь» употребляется, но не растолковывается.

^[2] Schroeter E.

^[3] В зарубежной фурнологической литературе в связи с Голландией, которая ориентировалась на каминные традиции, печи иногда упоминаются. О хороших голландских печах писали испанцы, служившие там во время войны за независимость. Но речь шла о печах, построенных по немецкому образцу и из немецкого кафеля. Название «голландская печь» встречается также в Англии и США. Здесь так называли чугунные печи, которые привозили из Голландии или Германии (через Голландию) в XVII в. Они были и с оборотами, и бесканальными. Бесканальная чугунная голландская печь упомянута в книге Миклгма. Таки-ми в Англии отапливали теплицы и большие помещения. Такие же в начале XVIII в. завозили и в Россию, но голландскими их не называли.

тике» архитектора Львова голландские печи вообще не упоминаются. Мы с ними встречаемся только в трактате о русских печах фон Канкрина, написанном в 1802-м году и изданном три года спустя. В нём учёный пишет: «Печи, которыми в качестве комнатных пользуются в Российской империи благородные люди и бюргеры, имеют внутри два канала или более, дабы по ним циркулировал огонь, и комнаты могли лучше отапливаться. Построены они в основном из специально для этих целей разработанного и хорошо обожжённого кафеля или из обожжённого кирпича. Их называют голландскими печами, поскольку в империю первые подобные печи завезли из Голландии»¹. Книгу Шрётера от книги фон Канкрина отделяет всего лишь 12 лет, но авторы определяют голландскую печь по-разному. У Шрётера — это бесходовая конструкция. У фон Канкрина — печь с оборотами. У Шрётера название объясняется тем, что голландской керамикой облицовывали первые кирпичные печи в Петербурге, а фон Канкрин утверждает, что печь полностью в Россию была завезена из Голландии. К версии Шрётера у нас больше доверия, поскольку до опубликования своей книги он уже лет сорок, если не пятьдесят, в России проработал и историю русских печей, должен был знать лучше, чем его соотечественник, попавший в Россию только в 1783-м году. И тем не менее фон Канкрин первым в фурнологии дал определение не только голландской печи, но и русской.

Примечательно, что в своей первой книге, посвящённой русским печам и вышедшей в 1787-м году (написана в 1785-м), фон Канкрин пишет о русской комнатной печи с вертикальными дымовыми каналами. Но он её тогда голландской не называет. Видимо, закрепление за печью с вертикальными каналами названия «голландской» происходит чуть позднее и быстро — буквально в течение десяти лет — на рубеже XVIII и XIX веков.

Подробно описав в своём «Трактате о печах и каминах в Российской империи» голландскую печь, фон Канкрин, однако, называет её русской комнатной печью (как и в своей первой книге), а названием «голландская» пользуется только для того, чтобы не возникло путаницы с печью крестьянской. О ней он пишет: «А русскими же печами называют пекарные печи, которые простой люд, крестьяне в основном, используют в своих жилищах для приготовления еды и обогрева. Благородная публика их использует также на своих кухнях для приготовления еды»². Дальше в книге, прежде чем приступить к подробному описанию русской печи, он формулировку уточняет: «В большинстве случаев конструкция этих печей ничем не отличается от конструкции обычных пекарных печей. Различие только в том, что над устьем расположен дымоход. Под ним на уровне пода печи находится передний очаг (имеет в виду шесток³ — авт.), в котором готовят разную еду. Когда в заднем очаге, то есть пекарной печи, прогорят все дрова и образуются угли, дымоход ... закрывают, и углями, если они только не горят ещё синим пламенем, обогревают помещение...».

Похоже, что закрепление названия «русская печь» за крестьянской пекарно-отопительной печью (Львов называет её «мужичьей», известна она также под названием «избная») происходит примерно в то же время, что и закрепление названия «голландская печь» за комнатной отопительной с оборотами. Не исключено, что эти названия потребовались, чтобы как-то различать совершенно разные два типа печей. Предложенные фон Канкрином названия «русская комнатная» и «русская крестьянская» («русская пекарно-отопительная») оказались слишком длинными и в языке не прижились. Слова «голландка» и «русская» короче и проще, а потому предпочтительнее. Ведь разговорный язык всегда стремится к экономии. Кстати, предложенное фон Канкрином для голландской печи название «русская комнатная печь» войдёт в европейскую фурнологию и будет там в употреблении в первой половине XIX века. Именно её за рубежом называли в это время русской, а не крестьянскую пекарно-отопительную, которую можно было встретить, кроме России, где угодно.

¹ Cancrin F. (2)

² Там же.

³ Шесток - площадка перед топкой русской пекарно-отопительной печи, расположена непосредственно под дымосборником.

В XIX веке почти все российские авторы-фурнологи определяли «голландскую печь» как фон Канкрин или близко. Так у Соболевцова¹ в «Печном мастерстве» (1865 г.) читаем: «Голландские печи наши мы делаем так. Наставим по всю печь оборотов как ячеек в улье, понаделаем перевалов и подвёрток, да и пустим в них огонь. Пока печь топится, огонь по оборотам ходит, нагревает их, а из оборотов теплота переходит в наружные стенки печи и от них уже сообщается воздуху, наполняющему комнату». У Свиязева² в «Печном искусстве» (1867 г.): «Обыкновенная голландская печь, как известно, состоит из огромного топливника ... с отверстием в задней его части, называемым хайлом. Через него продукты горения переходят из топливника в дымообороты (колодцы), устраиваемые над сводом — в числе от 4 до 10, смотря во величине печи. Сообщённая печи горением топлива теплота удерживается вьюшкой³, помещаемой внизу последнего перед дымовой трубой оборота». Штукенберг⁴ (1873 г.) её определяет как «комнатную печь с оборотами»⁵. Подобных примеров можно приводить много. У всех авторов это комнатная печь, у многих с оборотами (не все настаивают на том, что они должны быть обязательно вертикальными), у многих не имеет значения кирпичная она или кафельная. При этом все, кто пытается определить происхождение названия, предлагают разные версии, в целом совпадающие с теми, что мы уже приводили выше. Свою версию происхождения названия мы уже изложили во второй главе этой части книги, когда впервые эти печи упомянули.

Этот ужасный, ужасный, ужасный печной язык

Выше мы писали о словах неоднозначных, употребление которых во многом определяется контекстом. Ужасы печной терминологии не ограничиваются только ими. Печной словарь включает много других слов, уже однозначных (или условно однозначных), но требующих пояснений, поскольку они устарели и из употребления вышли. Современное слово «глазурь», пришедшее к нам из немецкого и современниками воспринимающееся как родное, в старину называлась «финифтем» (или «финифтью»), «поливом» (или «поливой»), «обливой» и «муравой». «Глазурованный» был раньше «муравленным» («мурамленным» и «муромленным») или «поливанным». А «глазурование» — «муравлением» («мурамлением»). Когда «глазуровали», то «муравили», поскольку глагол был «муравить» или «муравити». «Глазуровщики» называли «мурамленниками» или «муравленниками». Все эти слова русская лексикография считает устаревшими. Употребляют их сейчас только, когда цитируют старые документы или чтобы поиграть словами.

Изготовителей печной керамики и сборщиков печей называли печниками, печкурами, печными мастерами, мастерами по печной части, печных дела мастерами, горшечниками, ценинниками, ценинных дела мастерами, кафельниками, кафельщиками, кафлярами, изразцовщиками и изразечниками. Когда в печном ремесле произошла специализация (профессия изготовителя печной керамики отделилась от профессии строителя печей), печниками (печных дела мастерами и мастерами по печной части) уже называли только тех, кто печи кладёт.

В старинных документах среди разных типов печей упоминаются «двоечельные», «сырчатые» и «покущатые». Двоечельный означает «с двумя отверстиями», но что из себя точно представляла такая печь и как она работала, до конца не выяснено. Во всяком случае, это название встречается в связи с печами разных конструкций. Сырчатые печи — это прямоугольные в плане печи, противоположность круглым. Покущатые печи и покущатые кафли, видимо, те, что были покрыты либо чёрной, либо тёмно-

¹ Соболевцов Василий Иванович (1813—1872) — архитектор, фурнолог, крупный специалист в области библиотекосведения.

² Свиязев Иван Иванович (1797-1874) - архитектор, фурнолог.

³ Заслонкой, шибером.

⁴ Штукенберг Антон Иванович (1816-1887) - инженер-путеец, писатель.

⁵ Штукенберг А.

зелёной (её иногда называют «русской») глазурью. Или речь шла о чёрнолощённой керамике. В словарях древнерусского языка слово «покущатый» обычно определяется как «тёмный», «траурный».

В искусствоведческой литературе встречается понятие «стилевые печи» или, как их называли в XIX веке и начале XX века, «стильные». Этим термином принято обозначать печи, относящиеся к тому или иному неостилю XIX века. Сейчас термин трактуется шире. Под ним понимаются печи, имеющие характерную архитектуру или декор в каком-нибудь одном стиле — любом.

Когда пишут о кафлях, мотивами декора которых являются фигуры или сцены (действия), то часто их называют «сюжетными». В русском языке слово «сюжет» в отношении произведений изобразительного искусства означает «предмет изображения». Если мы подразделяем кафли на сюжетные и бессюжетные, последние оказываются без предмета изображения. А если изображение на них есть? Название не совсем удачное. Оно, видимо, связано с тем, что в русском языке слово «сюжет» может означать также «последовательность событий и связь между ними», но в этом значении его употребляют только в отношении литературных произведений. В керамике есть специальный термин для обозначения изобразительных мотивов — мотивы-имажé. Он, правда, имеет более широкое значение. В это понятие включаются все не орнаментальные мотивы. Есть также термин «фигуративные кафли». Под ним подразумевают кафли с любыми изображениями людей (или животных), в том числе, если с ними связано какое-то событие. Получается, что слово «сюжетный» в отношении изображений не подходит, но другого, однозначного, термина у нас тоже нет. Будем уповать на контекст или на то, что кто-нибудь всё же найдёт подходящий термин.

В рассказе о загадках печных названий мы обошли специальные термины, связанные с названиями отдельных частей печей, кафель и с процессом производства печной керамики, технологией кладки печей и т.п. Они вполне понятны всем специалистам, в целом однозначны и никаких загадок не содержат, поэтому о колодцах, оборотах, горниле, хайле, вьюшках, шиберах, подпечьях, опечьях, подушках, языках, свесах, гзымсах, лизенах, лопатках, уступах, рюмках, румпах, царгах и прочих ужасах печного словотворчества не пишем. Мы этими терминами пользуемся, но, понимая, что многие из них могут вызывать недоумение, стараемся сопровождать их пояснениями. Во всяком случае, там, где они первый раз в этой книге встречаются, мы их растолковали в сносках.

В этой, заключительной, главе мы попытались обозначить некоторые проблемы, возникающие в связи с употреблением неоднозначных печных терминов. Небрежное отношение к слову тех, кто писал о печах в прошлом, привело к тому, что мы сейчас не можем быть уверенными в том, что правильно их понимаем. Мы сетуем. Мы ломаем себе голову над фразой «обрасцы или обрасцовые кафли», но сами часто однозначностью пренебрегаем так же, как и наши предшественники. Как нас будут понимать читатели будущего. Наверное, рвать на себе волосы, гадая, что мы хотели сказать, когда писали об «изразцовых кафлях» и «кафельных изразцах».

Библиография

- Авдусина Т.Д. Владимирская Н.С. Панова Т.Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля. Советская археология. № 21. 1984.
- Андреева Е.А. Дворец Меншикова на Васильевском острове. История Петербурга. № 1. 2012.
- Антонов А.Н. Музей Первого кадетского корпуса. Спб., 1909.
- Арзуманова О.И. История музея «Абрамцево» в документах и фактах 1917-1930-х гг. Абрамцево - Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1990.
- Артлебен Н. Кабельная печь в архиерейском доме в Суздале. Известия ИАО. Т. 4. Спб., 1859.
- Ачаркан Д.-М.И. Дворец царя Алексея Михайловича в с. Коломенском. КМИ. Вып. 7. М., 2002.
- Бажанова Е.М. Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов. В сбор. Музей. №4. М., 1983.
- Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в. Труды ГИМ. Вып. 3. М., 1926.
- Баранова С.И. Изразцовая летопись Москвы. М., 2012.
- Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX в. Спб., 1904.
- Белецкий Д.В. Производство печной керамики в конце XVII в. в Переславле-Залесском. Сб. ст. Вып. 4. Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская Слобода». М., 2008.
- Беляев Л.А. Московские печные изразцы до начала XVIII века. КМИ. Вып. 5. М., 1993.
- Бенуа А.Н. История живописи. Спб., 1912-1917.
- Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1980.
- Бенуа А.Н. Врубель. Мир искусств. №10-11. 1903.
- Богданов А.И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его. С 1703 по 1751 год. Спб., 1779.
- Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV - начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве. ИА РАН. М., 1991.
- Большой академический словарь русского языка. Спб., 2004.
- Бочаров Г. Н. Выголов П. В. Вологда. Кириллов. Феропонтово. Белозерск. М., 1977.
- Бранденбург Н. Опись жилого двора со строениями XVII века. Зодчий. 1877.
- Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Спб., 1890-1907.
- Ваулин П.К. Доклад на 25-ом собрании ИАО Санкт-Петербурга. Тезисы. Зодчий. 1907.
- Векслер А.Г. Палаты Натальи Кирилловны в Московском Кремле (опыт реконструкции по документам и археологическим данным) в кн. Древности Московского Кремля. М., 1971. (1)
- Векслер А.Г. О некоторых находках рельефных изразцов в Москве. КМИ. Вып. 5. М., 1993. (2)
- Веселовский В. Изразцовые печи в доме г-жи Шумиловой в г. Гороховце Владимирской губернии. Зодчий. 1880.
- Вестник общества древнерусского искусства. М., 1876.
- Вильчковский С.Н. Царское село. Спб., 1911.
- Воронов Н.В. Изразцы. Русское декоративное искусство. М., 1962.

Воронов Н.В. Русские изразцы XVIII века. Памятники культуры. Исследование и реставрация. Вып. 2. М., 1960.

Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. М.-Л., 1963 г.

Выголов В.П. Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI в. Древнерусское искусство. Т. 9. М., 1975.

Высоцкая Н.Ф. Искусство Беларуси XII–XVIII вв. Минск, 1994.

Гессен А.Э. Трубинов Ю.В. Меншиковский дворец. Проблемы реставрации. Строительство и архитектура Ленинграда. № 10. 1970. Голлербах Э.Ф. Фарфор и фаянс. Справочник для коллекционеров. М., 1924.

Городцов В.А. Описание холодного оружия Исторического музея. Труды ГИМ. М., 1909.

Гра М.А. Печи Коломенского деревянного дворца XVII в. КМИ. Вып. 5. М., 1993.

Грабарь И.Э. История русского искусства. М. 1911.

Гранат А. Настольный энциклопедический словарь. М., 1895-1900.

Грицак Е.Н. Эрмитаж. М., 2005.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.-Спб., 1880-1882.

Даль Л. В. Ростовские изразцы. Вестник ОДИ. 1875 г. (1)

Даль Л. В. Историческое исследование памятников русского зодчества. Зодчий. 1875. (2)

Дзвонковский С.Л. Новые археологические данные об изразцовом производстве в Москве конца XIV–XVI вв. КМИ. Вып. 5. М., 1993.

Дзярновіч А. Шляхі пранікнення кафлі на Беларусь: Да пытання беларуска-нямецкіх кантактаў. Мінск, 1996.

Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. Вып. 1-3. М., 1969-93. (1)

Дмитриева Н.А. Михаил Врубель. М., 1984. (2)

Дневник Самуила Маскевича. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1834.

Дневник Марии Мнишек (1607-1609). По рукописи Краковского музея князя Чарторыйского. М., 1908.

Дорофеева Л.П. Израцы в архитектурно-декоративном решении дворца Меншикова. Труды Эрмитажа. Т. 23. Л., 1983.

Жегалова С.К. Русская народная живопись. М., 1975.

Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного и ценного дела в России. Записки ИАО. СПб., 1853. (1)

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа XVI и XVII столетиях. М., 1872.(2)

Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905. (3)

Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. М., 2001. (4)

Закревский Н. Материалы для археологического словаря. Древности. Труды ИАО. Т. 1. 1865.

Записки Отделения русской и славянской археологии ИАО. 1851.

Заяц Ю.А. Заслаўская кафля. Мінск, 1990.

Здановіч Н.І. Трусаў А.А. Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII стст. Мінск, 1993.

Иванов А.И. Забытое производство: очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930.